

В конце августа 2020 прошло совещание молодых литераторов Сибири и Дальнего востока. Где? Вопрос излишний, поскольку общались участники совещания в режиме онлайн. Штаб-квартира организаторов — редакция журнала «Сибирские огни». Надо отметить, что именно коллектив редакции стал организатором ежегодных собраний молодых литераторов и их встреч с мастерами в пригороде Новосибирска, живописном месте на берегу Обского моря, базе отдыха «Сундучок» на окраине села Новопичугово. Нынешнее совещание — пятое по счету, но село Новопичугово не увидело его участников. Общение через экраны мониторов для меня оказалось очень серьезным отступлением от привычного общения, традиционного обсуждения рукописей. Возможно, обучение, обмен мнениями, передача научно-технической и прочей информации вполне укладывается в лоно формата Zoom, но творческие контакты при таком взаимодействии испытывают серьезную деформацию. Но, как говорится, что имеем, тем и обладаем.

Несколько общих замечаний. Удивило малое количество участников-семинаристов, всего десять. И большое количество мастеров — целых пять. Я говорю о секции прозы, в которой и довелось работать. Отбор для участия в сибирском совещании всегда строгий, может, этим и вызвана малочисленность нынешнего. В конце концов, дело не в количестве.

Второе. Всегда есть некая внутренняя потребность объединить весь набор поступивших на обсуждение рукописей, чтобы выявить некую общую тенденцию новых авторов или хотя бы намек на нее. Меня, конечно, легко упрекнуть в желании подвести молодой творческий поток под некую крышу, искусственное единение. И тем не менее. Нынче куда меньше, чем в прошлые годы, произведений, относящихся к области фантастики. Немного, но есть — убывающая деревня. Много — рефлекслирующих героев и рассказов, напоминающих школьные дневниковые записи. Здесь я сразу оговорюсь, что сама форма не запретна, важно содержание, уровень литературного мастерства.

Руководителями секции прозы были Павел Басинский (Москва), писатель, литературный критик, литературовед, лауреат Госпремии; Андрей Тимофеев, писатель, руководитель творческого объединения молодых литераторов при Союзе писателей России (Москва); Геннадий Прашкевич, известный поэт, прозаик, эссеист (Новосибирск); Михаил Шукин, прозаик, главный редактор журнала «Сибирские огни» (Новосибирск) и автор этих строк.

И вот здесь просится в текст еще одно замечание общего характера. Восполняя недостаток личного присутствия при обсуждении, все участники — и мастера, и обсуждаемые — отнеслись к работе в дни семинара очень серьезно. Честно сказать, такой уровень обсуждения мне доводилось встречать крайне редко. Внимательность прочтения, глубина, доброжелательность, а главное, желание превратить обсуждение в урок, который может двигаться дальше, — все это выгодно отличало нынешнее совещание.

Не секрет, обобщения лучше всего делать, имея перед глазами частные примеры. Потому позволю себе высказать мнение о каждой представленной рукописи в отдельности.

Анатолий БИМАЕВ (Абакан),
рассказ «Бегом по сияющей радуге»

Сюжет складывается из того, что двое друзей-школьников нашли золотую сережку. Не зная, что с ней делать, они решают зарыть ее под старым тополем. Один из них не удерживается и откапывает находку в тайне от друга. В рассказе замечательно расставлены акценты с точки зрения вечного противоборства добродетели и порока. Однако при чтении меня не покидало ощущение, что автору однажды предложили участвовать в литературном конкурсе детского рассказа на тему нравственности. И он принял участие в этом конкурсе. Заданность, вот, наверно, в чем дело. Отсюда движение напролом к своей цели, отсюда, вероятно, неразличимость героев. Ну, хотя бы одной черточкой автор отделил бы одного мальчика от другого. Отсюда какой-то неребячий, немальчишеский язык, отсюда неразличение их в диалоге, да еще злоупотребление местоимениями в близком соседстве друг с другом. Мне не хватило пространства, воздуха, жизни вокруг этого ристалища между пороком и добродетелью. При всем этом нельзя не отметить точность в описании переживаний главного героя, попытку пойти в глубь его душевного состояния. «От этого взгляда нельзя было скрыться. Отныне все мысли, которые так или иначе вращались вокруг истории с сережкой, приводили к этому воспоминанию. Да, во взгляде Вани не было презрения или обиды. В нем было другое. Жалость. Тоска. И что-то чудовищно взрослое. Что-то совершенно не являвшееся со всем тем, что знал о товарище Саша. И это было самым ужасным. Взгляд говорил о том, что Ваня теперь стал чужим. Он не ответит ему, если Саша заговорит, никогда не пригласит в гости, не позовет в поле, окружавшее их небольшой городок, тушить весенние палы или обливаться в день Ивана Купалы водой. И если они когда-нибудь встретятся, Ваня сделает вид, что не знает его». Есть небрежности в языке, но они, мне кажется, носят случайный, а не системный характер. Кстати, название рассказа мне показалось некой излишней инкрустацией, как, собственно, и образ, возникший вдруг в конце рассказа, — сравнение дороги с сияющей радугой. Избыток чувств здесь правомерен,

восторг объясним, но сильные чувства не всегда укладываются в избранную автором палитру... Но это частное замечание, которое вовсе не носит обязательного характера. Рассказ портят излишнее желание пофилософствовать и наделить детей чрезмерной для их возраста взрослостью.

*Александра ВАЙС (Барнаул),
«Усадьба на Партизанской»*

Идея, если отделить ее от текста, хороша. Снос исторического особняка — это была яркая барнаульская новость лета 2019 года, и город в этот момент показан с пристрастием, включая мелкие детали — то, как живет старый город, считаются знакомые места и та самая атмосфера задымленности после лесных пожаров. Возможно, журналисты поймают больше отсылок к персонажам и событиям — например, как показан эпизодически типичный журналистский провинциальный коллектив. Показана провинциальная жизнь — маленькие, но важные детали по типу повсеместного использования японских иномарок, начальственного панибратства, речевых оборотов. Автор знакома с работой в СМИ, и, возможно, ей удалось бы сделать зарисовку о жизни провинциальной редакции.

Язык повествования. Во-первых, нереалистично прописанные ломаные диалоги — люди так не общаются. Изобилие многоточий — излишне, у автора просто отсутствует навык написания для удобоваримого прочтения разговоров двух людей. Далее, абсолютно безликие герои, которые при малейшей потере контроля за повествованием спутываются, — например, все три Ивана. Моменты про лис, которые появляются будто бы случайным образом сквозь текст, теряют свой смысл — по идее, животное могло бы дать акцент на мистическое событие как условный проводник.

Можно предполагать, что автор, затеявая некую таинственную историю, приведет в финале сюжет и читателя к разгадке. По мнению автора, наверняка так оно и есть. Но в рассказе все время мешает восприятию текста излишняя загадочность,

недосказанность. Сбивает с толку наличие двух повествователей — некоего мистического существа, обозначающего собственное родство и с лисами, и с потусторонними силами, и журналиста Ивана, являющего собой абсолютно аморфное существо. Путаает, сбивает с толку многое — прежде всего, временные переходы. Очевидно, по замыслу, мятущаяся душа отравившей себя девушки не может обрести покоя, не призвав к себе возлюбленного, в рассказе Ивана второго. Что и происходит в конце концов. Но зачем и куда нужна дверь ей? Непонятно. Скорее — ему. Я знаю историю, положенную в основу рассказа. Городская прокуратура построила себе здание на месте вполне прилично сохранившегося архитектурного раритета. Были протестные выступления журналистов, но финал известен. Можно предположить, одна из задач автора — возложить ответственность на кого-то из поселенцев нового богатого дома на той же улице Партизанской за снос памятника архитектуры и определить грядущее наказание. Но бывший полковник ФСБ вряд ли имел отношение к сносу. Разговор журналиста с ним получился никаким: зачем приходил, чего хотел? Да и разговор с девушкой мало что добавил к развитию сюжета. Слишком экономично действует автор в развитии собственного сюжета, при этом некоторые вставные диалоги кажутся излишними (в частности разговор коллег Ивана, разговоры друга Саши с женой). В итоге что... Есть замысел, есть вполне приличный язык, то есть в наличии строительный материал, который требует дальнейшей работы.

Таким образом, делая ставку разом на 4 следующих момента, автор проигрывает в каждом:

1. Производственная история — получила немного фактуры из жизни пишущей околобогемной братии, но безлико и постно. Сам ход журналистского расследования — «пошел в одно место два раза и ничего не получил» — элементарно непрофессионален, да и портрет героя плавает от мальчишки-журналиста до дядьки с отчеством и заслугами.

2. Мистическая история — калька со все тех же голубых дам и типичных городских легенд. А можно было бы разгуляться на собственной территории.

3. Любовная история — подается фразой из диалога «да это девушка его была». И где-то тут же и затухает.

4. Городская история — несмотря на то, что все эпизоды с барнаульскими местами прописаны с некоторой любовью, жители города представляют собой фанерные фигурки. Полковник ФСБ, с которым происходит совершенно пустой разговор, будто бы сбежал из книжек Донцовой — такой силовик из коробочки. Семейная пара друзей — тоже какие-то юниты для интерьерера. И самый мистический дед, который банально пересказывает недостающие части истории герою, — почему вместо него не мог быть шаман, упоминаемый вскользь? Безликий редактор, который разве что хорош суконным лексиконом типичного провинциального руководителя.

Вывод. Претензия Александры Вайс на переизобретение жанра городской легенды в сеттинге Барнаула вторична и совершенно разрушается блеклыми персонажами без личностных особенностей, которые скорее транслируют авторский нарратив, чем взаимодействуют друг с другом внутри текста. Образы героев добивают примитивно-нелепые диалоги.

Денис ГЕРБЕР.
«Их колеса, наши глаза»
(фрагмент романа)

Для меня (и не только для меня) это самое нежелательное — обсуждать фрагмент чего бы то ни было: романа, повести... Сразу же встает вопрос — мой собственный или извне — что можно сказать по отрывку, по части? Ты заранее вовлечен в ошибку, в неточность, по меньшей мере, ты заранее неправ, необъективен, несправедлив, некорректен. Роман в целом может оказаться и бездарным и гениальным в равной степени. И здесь по предлагаемому отрывку трудно судить обо всем произведении так же, как и о способностях автора. При этом его интеллектуальные возможности, его начитанность, знание истории и библейская просвещенность не вызывают сомнения. Не могу сказать также, каким образом связаны в предполагаемом романе обе

главы, абсолютно разные по всему, и прежде всего по излагаемым временным пластам. Наверно, все это объяснимо тем, что герой произведения писатель, а у сочинителя, как известно, могут переплетаться самые причудливые сюжеты, времена, герои. Можно только догадываться. Смелость изображать Вавилон времен Навуходносора тоже стоит отметить, но не более того. Первый русский академик словесности Брюсов великолепно владел знаниями о древнем Риме, но читать его исторические романы можно лишь с большим усилием. По сути предложенного отрывка могу лишь сказать, что перед нами три диалога, размышление о внутреннем адвокате, который, по представлению автора, и пишет за него книги. Кстати, тоже смелость немалая — брать в герои писателя. Еще есть сообщение жены, с которой герой пребывает в весьма неопределенных отношениях, о ее собственной скорой смерти. Это самое сообщение не героиней, нет, самим автором подано с такой легкостью, что потом не очень веришь в его правдивость. Помимо исторической образованности, автор близок к музыке, во всяком случае, на уровне специальных терминов, возможно, что и в более глубоком измерении. Что не так уж плохо для творческой личности.

Что выяснилось в ходе обсуждения. Оказывается, один из руководителей знаком с полным текстом романа, который обсуждался на Всероссийском совещании молодых в Химках. Но руководитель не добавил ничего интересного в обсуждение. А у меня возник вопрос: зачем с высшей ступени обсуждения, каким является Всероссийское совещание по сравнению с региональным, спускать произведение на низшую, да еще в усеченном виде?

**Дмитрий КОНОНОВ (Омск),
рассказ «Прогулка»**

Очень живописно. Меткий взгляд, точный язык. Все узнаваемо настолько, что на ум приходит сравнение с фотографией. Да, это происходит с культурой. Да, это происходит с литературой вообще, с поэзией в частности. Да, эта пустота живет сегодня в душах многих молодых людей. Да, такова богема сегодняшняя.

Да, да, да... От этой правдивой разоблачительности делается не по себе. Все до тошноты узнаваемо! И наш автор, наш художник полностью внутри всего этого. Внутри, а не в сторонке, как пристало наблюдателю, летописцу. Жаркая публицистика, к этому жанру можно скорее всего отнести рассказ. И все-таки — художник, его место, его цель? Может, неспроста у автора все время путаница между лирическим героем и неким Олегом. То у нас повествует герой, то автор... Может быть, здесь скрыта некая особенная задача? Я ее не разглядел. Путешествие по бездушно-му, бездумному, опустошенному миру... Путешествие без обретенных, но уже и без потерь, потому что терять, похоже, нечего. И вот финал. Все пережитое и прожитое, все прочувствованное и оставленное без участия чувств, все это — лужа блевотины. Автора-героя в итоге повествования вырвало. Автор добился одного — возвращаясь мысленно к каждому эпизоду, описанному им, мы утверждаемся в мысли — то и есть блевотина. Прекрасное и пошлое, жертвенное и корыстное, все — блевотина. Стоило ли трудов, дорогой художник? Ах беда, такое время!.. А мне почему-то приходит на память эпизод из романа немецкого (!) писателя Ремарка «Возлюби ближнего своего». Прощаются два беженца времен начала второй мировой войны: немец Штайнер и его возлюбленная Лило, полуславянка, полуцыганка.

«...— Мы с тобой не так уж часто грустили, Лило.

— Это ты не грустил. Ведь ты — или дикий, или равнодушный, или смешливый, или храбрый, — кажется, это так называешь. Только все это не то.

— А что же это, по-твоему, Лило?

— Это боязнь отдалиться чувству. Боязнь расплакаться. Боязнь не быть мужчиной. В России мужчины умели плакать и все же оставаться мужчинами и быть храбрыми. А твое сердце никогда не растворилось в чем-то без остатка.

— Да, это правда, сказал Штайнер...

...— Пойдем есть, — сказала она после паузы. — Я дам тебе в дорогу хлеб и соль, как в России, и благословлю тебя, прежде чем уйдешь...»

Меня иногда охватывает чувство, близкое к досаде: ну почему немецкий писатель видит порой в нас, русских, знает про нас

куда больше, чем мы сами! Может, нам уже пора отходить от известного тезиса критика: художник описывает жизненно законенные типы. Может, пора попробовать писать типы, объявленные нынешней жизнью вне закона? Повторюсь. Язык хорош, тут я снимаю шляпу перед автором. Как говорится, этот бы дар да в мирных целях...

*Наталья КОРОТКОВА (Бердск),
рассказы «Прощание славянки»,
«Несгибаемая Екатерина»*

Первое впечатление при чтении — все узнаваемо до мельчайших деталей. И у больших писателей, и у маленьких, а более всего — у начинающих эти сюжеты с этими самыми героями. Умирующие старики с их жизнью, пробегающей перед последним взором. Такое впечатление, что мало кто из авторов знает об этом. Но при том так оно есть. Однако я не могу отказать Наталье в праве исполнить этот обязательный обряд посвящения в литераторы путем написания подобных рассказов. Потому хотя бы, что язык ее прост, легок, диалоги живы. Знаком ей сельский быт, обычаи, деревенская жизнь. Читается легко. Как бы там ни было, способности налицо, необходимо двигаться дальше, выходить из этой сферы знакомого, родного, близкого. Хотя дело не в адресе — село, патриархальная деревня, вымирающие старики. Многих еще долго будет трогать, задевать за живое все это. Уходящая натура, но какая! Вы представляете деда, который уже с трудом передвигается, из последних сил, лежа обрабатывающего грядки? Кстати, из моих собственных наблюдений. Куда больше среди долго умирающих в постели городских людей. Сельские жители уходят, как правило, скоро, до последнего подгоняя себя к работе, к движению. Они привыкли, что за них работу сделать некому. Моя собственная бабушка Мария Николаевна пришла однажды с огорода, легла и померла. Живым кажется мне эпизод с гармошкой, когда зять пытается вызвать деда к жизни с помощью музыки, с помощью популярного в армии марша. «Старик стоял за околицей на краю заброшенного колхозного поля.

Стоял с непокрытой головой, легкий ветер теребил седой чуб. Снег уже сошел, лишь местами белели небольшие редкие его островки. Кое-где сквозь прошлогоднюю жухлую траву пробивалась первая зелень. Старик вдохнул полной грудью бодрящий утренний воздух — еще морозный, но уже напитанный еле уловимым дыханием весны. И вдруг услышал протяжное: кгаа-кгаа...» Это концовка рассказа. Видение старика уже после его смерти. И что интересно, эта вроде бы несурезица не вызывает протеста, более того, она кажется абсолютно нормальным, логичным концом. А вот митинг на могиле деда мне показался абсолютно излишним. Как и риторический вопрос автора. Как и ожидаемые «атрибуты» — «Прощание славянки», прощание пролетающих гусей.

Понравилась героиня второго рассказа Катерина. Живо написано, со знанием сельской жизни. Знаете, о чем подумалось при чтении этих рассказов — и первого и второго? Это ведь как в жизни. Придет время, сколько мы ни протестуй, сколько ни лей слезы, — уйдет в небытие патриархальная деревня. Уйдут безвозвратно старики, катерины, уйдет и из литературы большой пласт так называемой деревенской прозы. Останется она в литературных памятниках с именами Василия Белова, Василия Шукшина, Федора Абрамова, других... Я не первый год работаю в подобных нашему семинарах и наблюдаю, как убывает число рукописей, похожих на Натальины. Они еще встречаются, но все реже и реже. И есть для меня лично в них некая самоценность. Но это, конечно, не отменяет необходимости для художника находить и в этой уходящей тематике свой язык, свой художнический почерк. Ведь что более всего запоминается из обоих рассказов? Да соседка Зинка с ее ядовито-зелеными туфлями, в которых ее по настоянию мужа похоронили. Этого нигде больше не найдешь, только у Коротковой Натальи. И дело здесь не только в яркой краске, дело в том, что перед нами возник неповторимый образ, рожденный или подсмотренный только этим автором. Как выяснилось в ходе обсуждения, после этих рассказов уже написана и опубликована повесть, уже сами эти рассказы стали прошлым для Натальи еще до семинара...

Антон Макаров (Иркутск),
рассказы «Возвращайся вчера», «Кома»

Первый рассказ — этакий рассказ-катастрофа, повествующий о наводнении в Иркутской области. Читаешь и думаешь, что автор, должно быть, если не сам пережил изложенное, то наблюдал это наводнение с близкого расстояния. Убедительно, красочно, правдиво... Изложение больше напоминает хронику. Но в целом повествование вызывает много вопросов. Я, кстати, часто в обсуждаемых нынче рукописях встречался с вольным или невольным запутыванием читателя и задавал себе вопрос: зачем? Честно, ни разу не получил внятного ответа. Начинается с эпизода, где разноплеменные торговцы, судя по всему, третьесортным шумутьем оказывают гуманитарную помощь жертвам затопления, присылают различные вещи. Вот самое начало. «Это было давно, хотя на самом деле практически вчера. Но обозначать временные рамки в данном случае не имеет никакого смысла, поскольку у любой трагедии нет и не может быть прошедшего времени. Поэтому всё начинается здесь, в центре города, где неподалеку от недавно отремонтированного торгового комплекса стоит двухэтажный «Шанхай-Сити», в котором за сравнительно небольшие деньги можно разжиться одеждой и обувью». Мы вправе ожидать, что этот довольно большой для площади всего рассказа эпизод получит развитие, герой повезет эти вещи куда-то, будет раздавать или еще что-то с ними делать. Нет, эпизод уходит в небытие и в конце рассказа предстает перед нами как некий мираж, видение. Невнятица какая-то. Начинаешь думать: герой переживает наводнение дважды, что ли? Как мы понимаем в конце, герой погибает, а все якобы происходящее с ним перед смертью не более не менее как мистерии. Но как-то неудачно все это скреплено, коряво. Автор замыслил интригу, но, как говорится, фокус не удался. «Картину грядущего наводнения я видел так же ясно, как уровень воды, скрывающей мои ноги по щиколотку. Затем я представил отзывчивых таджиков, дорогу в Тулун с вечными пробоинами и ямами, одноглазого Евдокима, плавающего в полумраке реки в поисках потерпевших бедствие, чертеныша Шермана, которого кормит пшеничным хлебом рассеянный

Георгич, золотозубого торговца-спекулянта, разбитые деревянные постройки, лодки-амфибии со спасенными животными. Я почему-то знал наверняка, что все выдуманные мной герои там точно находятся, но всё, что с ними приключится, — в моем воображении уже было: было когда-то давно. Хотя на самом деле, практически вчера... Уходя в вечность, я мысленно вернулся домой, к грустной жене и двум русоволосым дочкам, которым клялся привезти из командировки велосипед. Умирать вовсе не страшно, но как же это все-таки паршиво, что я их больше не увижу...» Куда нас отсылает автор? Похоже, к наводнению, которое случится через 13 лет. И тогда все это произойдет. Это получилось не замысловато, а попросту коряво. Жена — вроде как бывшая, а вроде и нет. Где тут явь, где мираж, где правда, где вымысел?

Я уже не говорю о языке, убогом, порой попросту протокольном. Тем более удивляешься, читая второй рассказ с названием «Кома». Будто два разных человека писали. Здесь язык намного чище. Перед нами некий психологический этюд с попытками психоанализа и даже с обращением за помощью к психотерапевту. А если упростить до восприятия неискушенного в самокопании читателя, — мы имеем несколько страниц нытья человека, поверженного и в личном отношении, и в профессиональном. Вообще-то мы имеем дело с человеческой трагедией. Если переиначить известную поговорку, получится: счастье делает людей похожими друг на друга, несчастливы все по-своему. И мы вправе ожидать от автора, что его герой переживает свои беды как-то по-особенному. Но особого своеобразия здесь не обнаруживается, разбитые горшки, тоскливое разглядывание законного пространства... Есть один эпизод, который цепляет, за который, кажется, уцепится и автор, — акт самодовольствия в спальне. При живой жене. Понятно, это говорит о конце или близком конце отношений, и автор стыдится вместе с героем не самого акта, а того, что его застукали... Мне показался удачным ход с разбивкой повествования на главы: не сразу, а именно с момента, когда герой оказался выброшенным на улицу. Еще хочу отметить удачу с зеркальным отражением — его обидчик, бывший начальник проходит по жизни

тот же путь, что предначертал нашему герою. Безнадега. И вот уже герой готов к самоубийству, не видит он для себя никакого пути. Но спасает живую душу живая душа. Герой подбирает котенка, приносит домой, отогревает. Вот и все, на что способен хомо агере — человек действующий. Что поделаешь, ничего нет дороже жизни. Мне показалось, что иногда Антон идет путем упрощения в решении задач. Вот уволили, куда пойти, если не берут нигде? В грузчики. И 20 лет назад так было, и 30, и 40... Не очень верится, что человек его квалификации не найдет другой работы. А здесь решение под боком. Еще одна крайняя ситуация — в грузчики. Психолог тоже не усложняет жизнь — ни себе, ни пациентам: хрясь чашку о стену — разрядка. Пациент лечится таким же образом. Да, собственно, и выход, оставляющий героя на этом свете, прост до примитива — подобрал котенка, остался жить. Черт возьми! Две русоволосые дочери не могут обратить его к жизни, а котенок смог. Бывает. Антон может писать, Антон будет писать. Надо только мысли почаще приводить в порядок и не упрощать себе решение задач.

Что касается первого рассказа. Там хорошая фактура, там все, простите за выражение, лечится. Вернуться, посмотреть с точки зрения последовательного восприятия и изложения событий, вычистить от канцеляризов языка.

**Марина ГРАЧЕВА (Новосибирск),
рассказ «Девочка из Пентагона»**

Интересный опыт. С одной стороны, перед нами откровенный документ, точно отражающий реальную жизнь, вернее отрезок реальной жизни маленькой девочки, можно сказать, самый настоящий дневник. С другой — это исследование известного периода социально-экономического слома целого государства. Родина ломается — и тут с подбором красок, эпитетов, литературных приемов и премудростей не всегда получается. Помните, когда у Валентина Распутина после выхода в журнале «Наш современник» повести «Пожар» спрашивали: а что это все-таки с точки зрения литературных жанров — повесть,

рассказ, очерк или что-то еще? Он ответил: «Прокричал как прокричалось». Пришло время кричать, и художник не сдержался. Кстати, эпиграфом к «Пожару» была строчка из народной песни «Горит, горит село родное». И мало кто знает, изначально текст песни в эпиграфе был продолжен: «Горит вся родина моя!» Это было как раз в те самые восьмидесятые, которые описывает Марина. Она ведь тоже прокричала как смогла. Ее литературный путь в самом начале, и она не стала, как говорится, мудрствовать лукаво, воспользовалась тем инструментарием, тем оружием, какое имеется у нее на данный момент. Дневник девочки первоклассницы, затем — второклассницы, ничего мудреного. Но эпоха отражена в деталях, особенно в персоналиях. Короткие, но достаточно емкие портреты одноклассников, учителей, которые тоже растеряны и прячут эту растерянность за потертыми лозунгами, за войной с косметикой и маникюром у своих учениц. Но один из самых главных героев этого повествования, этого предперестроечного времени — папа с его бесконечно повторяющимся вопросом: когда же купим цветной телевизор? Тут я просто снимаю шляпу перед автором. А мало кем уже узнаваемый вождь, а неформал-преступник дед, а Неформал Юрка, отправляющийся защищать родину!? Больше-то ее защищать все равно некому. В прошлом году наше совешание проходило в Новопичугово, и там обсуждались публицистические работы. Эта работа Марины была бы там вполне уместна, публицистичность здесь на высоком уровне. Но я вернусь к сказанному уже. Как часто недостаток правды, точности в исторических исследованиях восполняют произведения подобного рода! И потому лично я не могу отказать автору в праве причислить ее рассказ к разряду литературных произведений. А дальше — будем, как говорят в Одессе, посмотреть. Считаю нужным заметить, что почти все руководители разошлись с моим мнением по поводу рассказа. И виной тому послужил как раз недостаток художественных средств, своеобразия в подходе к описываемым событиям. Кто знает, может это даже лучше, чем всеобщая согласность.

*Любовь НОВГОРОДЦЕВА (Село Евгашево,
Омская область), рассказ «Жизнь и ее винтики»*

Перед нами изложение одной из самых банальных историй в жизни многих и многих семей. Уход главы семейства к другой женщине, переживания по этому поводу его жены, сына, дочери женщины, к которой ушел мужчина. Интрига в том, что герой повествования, он же сын неверного мужа, влюблен в свою одноклассницу, дочь женщины, к которой ушел его отец. Действие происходит в деревне, стало быть, у всех на виду. Все в рассказе выстроено, если говорить о законах драматургии, основательно, ни к чему не подкопаешься. Здесь и развитие сюжета, характеров, динамика в поведении героев в связи с меняющимися обстоятельствами, переживания главных героев и тех, кто рядом с ними. Но почему же мне неинтересно все это? Почему я читаю и будто передо мной открывается старая, давно и много раз слышанная история? Почему меня не трогают столь сильные переживания героев, почему оставляют равнодушным слом судеб, глубокие человеческие трагедии? Может, потому что всё или почти всё в этом повествовании вторично? Язык с самого начала — «безгранично счастлив, девушка тоненькая, как травинка, сладко сжимающееся сердце...» — стерт, бесцветен, и так на протяжении всего рассказа. Но главное, наверно, в том, что автору не удалось оплодотворить эту банальную историю своим творческим опытом, новым подходом, глубоко личным, неповторимым. Как известно, давно подсчитано число сюжетов, вокруг которых может обращаться искусство литературы, весь вопрос в оснащении, в окрашивании, обустройстве этим самым неповторимым авторским опытом. Это самое трудное и необходимое. Там есть замечательная бабушка, на которой, как ни странно, держится художническая задача. Она раздражает всех, порой даже читателя, но она живая, она истинный оценщик ситуации. Это тот случай, когда герой второго плана являет собой самую сильную сторону повествования. Один из серьезных этапов творческого пути в самом его начале — умение строить сюжет. А это, я уже говорил, у Любви есть. Надо добывать остальное.

Виктория САГДИЕВА, рассказ «Собачки».

Сюжет повествования таков. Молодой человек получает в наследство от тетки-живодерки (якобы она отлавливала собак и ела их) огромную трехкомнатную квартиру. Он устраивается на работу в школу учителем физкультуры, но его исключают из-за надуманных претензий родителей одной из учениц. Интересная попытка показать двоемирие современного молодого человека в нынешнем бытовом аду. Но все время при чтении не оставляет ощущение, что автор боится собственной смелости. Знаете, как это бывает: искупаться в холодной реке хочется, сунешь ногу в воду — холодно, страшно и все не решаешься погрузиться полностью. Вместе с неуверенностью и пугливостью автора возникает путаница в голове читателя. А школа, где герой работал физруком, была до вселения его в теткину квартиру или после? Вроде бы после, но когда он успел столько поработать, если вселился только что? Случайно, проходя узнаем, что девочка Замарашка покончила жизнь самоубийством. А покончила ли или это происшествие из другого мира, куда то и дело погружается герой? Случай с сосиской и последующим увольнением из школы вообще представляется анекдотом. Внезапно появляется алкоголик дед Митяй, внезапно оказывается в психушке. Появляется соседка Женя, и отношения с ней, то есть их развитие (они же в рассказе встречаются трижды и даже на бегу успевают переспать) тоже напоминают пугливую пробу воды пальчиком. Все время не оставляет чувство, что автор недоговаривает, хочет сказать что-то большее и не может. Или нарочито утаивает. Из героев мне больше всех понравился и запомнился дед с пекинесом. Он несет полноценную нагрузку в воплощении авторской идеи. Впрочем, идея тоже, как вспугнутая птица, порхает неподалеку, а сесть на свое гнездо не решается, что-то или кто-то мешает. «Солнце шестого микрорайона скрылось за горизонтом...» Казалось бы, нелепая фраза, с чего бы это взялось собственное солнце у шестого микрорайона? Но в этой чудной фразе некая разгадка творческого подхода автора к теме, ко всему изложенному. Допустим. Среди высоток в микрорайоне своя линия горизонта, стало быть, своя траектория

движения солнца от восхода до заката, небо перекрыто где частично, где полностью. Ну, и так далее, с вариантами. Но это долго объяснять, куда проще: солнце шестого микрорайона. Так и с другими эпизодами и действующими лицами. С одной стороны, это чрезмерное доверие к читателю, с другой — все та же неуверенность в себе. Не станет, поверьте, читатель, за вас голову ломать. Но я хочу отметить, что изложение все-таки не лишено некой легкости, языковой подвижности, читается без усилий и, странное дело, будто само собой подталкивает автора: ну, давай же, давай! Проясни, дотяни, притормози!

**Янина АХМЕТОВА (Новосибирск — Берлин),
рассказы.**

«Сорняки». Название, как говорится, не в бровь, а в глаз. И это удивительно. Автор изначально лишает права своих героев быть полезными знаками: сорняки — и вся недолга. Для утверждения этого приговора автор не жалеет средств и живописует их никчемность по полной программе. Надо сказать, красок в палитре у автора хватает. Но мне все время хочется воскликнуть: да остановитесь же, мне достаточно! Все это я вижу ежедневно и ежечасно у себя во дворе, на улице. Эти сумрачные фотографии сегодняшнего мира молодых людей повсюду, узнаваемы каждый жест, каждое слово. И меня никак и никогда не устроит оправдательный мотив — так есть, это правда жизни. Мы же с вами пытаемся, так или иначе ставим задачу обратить правду жизни в правду искусства. При чтении меня не покидало ощущение, что я смотрю в глазок детской игрушки под названием калейдоскоп. Крутнул трубочку — и видишь уже новое изображение, предыдущее, как ни старайся, не повторить. Я оглядываюсь на страницу, полстраницы назад — и не могу вспомнить, о чем только что шла речь. Все в куче, все неразлично: тетка, мама, одноклассники, даже сами главные герои, Идка и Лена, с огромным трудом идентифицируются. Идка зачем-то постоянно переходит из лирического героя в опосредованного персонажа. Набор информации

никак не способствует развитию сюжета. Все размыто, разбавлено бесстрашием автора-анатома. Разговор идет о пустоте в жизни молодых людей, в их душе с помощью все той же пустоты. Получается пустота в пустоте. И в жизнь такую не хочется верить, и даже в смерть не веришь и не веришь идкиным страданиям по поводу смерти подруги. А что касается матов, этакое неглиже с отвагой, — я не считаю возможным употребление их в литературном тексте, разве что в самом исключительном случае.

«*Море волнуется раз*». Читаю. С трудом понимаю, что дело происходит в Германии. Опять неразличимость героев и ситуаций. Наше все, Александр Сергеевич Пушкин, кого автор цитирует то и дело, не помогает. От гениального Чайковского только и падает нам в сознание, что он гей. И тут я начинаю догадываться, что подхожу к пониманию текста, к осознанию прочитанного не с тех позиций, не через те окуляры разглядываю. И сразу же возникает в памяти слово перформанс. Да, оно встречается и в тексте, а главное — в биографии автора. Оказывается, это часть ее жизни. И в данном случае, очевидно, и ее творчество надо рассматривать с позиций актуального искусства. В обыденном понимании перформанс определяют четыре фактора — время, место, тело художника, отношение художника и зрителя (понятно, что речь идет об изобразительном искусстве, но попробуем перевести все это на наши рельсы). И вот если с тремя первыми составляющими дела обстоят более или менее нормально, то отношения художника со зрителем (читателем) явно не складываются. Приведу высказывания одного из исследователей этого самого направления.

«На данный момент современное искусство представляет круг явлений, дискретных по языку, стремящемуся к чистому визуальному акцентированию, не приемлющему никакой метафизики в основе. Эти явления — нечто такое, что воспринимается или интерпретируется как иное по отношению ко всему тому, что уже заложено в культурную память. Таким образом, современное искусство не объединение новых течений (как утверждается во многих источниках), а постоянное креативное усилие,

происходящее из-за стремления освободиться от традиционной понятийной оценочности, интеллектуальной нагруженности, привычного музеефицирования искусства, преодоления зашоренности массовой культурой. Оно претендует на решение ранее не подвластных ему проблем общения с пространством и профанной средой, прикидывается философией, игрой, литературой, политикой, стремится к коммуникативности, в то же время не желая иметь ничего общего с привычными категориями искусства». Вот! Ключевое слово «Прикидывается»!

«*Демоны Клары*». Как я понимаю, речь идет о некоем драматическом кастинге. Повествование наполнено действием, понятно, идет театральное действие, наполнено красками, чувственностью, какой-то высокой моторикой, экспрессией. Впрочем, вся эта, простите, движуха не помогает нам понять характеры девушек, не дает представления о них как просто о живых людях. Так это и неважно для перформанса. Есть место, время, движение. Есть эффектный конец, что, пожалуй, самое главное для того же перформанса. Голова разбита в кровь. Только опять после всей этой сцены, в самом конце встает проклятый вопрос: ну и что?

На мой взгляд, очень важное достоинство среди множества недостатков — автор пытается живописать следующим образом: повествуя — изобразить, изображая — повествовать. Пока здесь обнаруживаются лишь первые шаги.

Вот мы и подошли к концу моего обзора прозаических рукописей, присланных на обсуждение в рамках совещания молодых литераторов Сибири и Востока. Общую тенденцию мне выявить не удалось, что вполне объяснимо разрозненностью всех и вся, живостью литературного процесса, который всегда трудно уложить в определенные рамки, малыми тиражами литературных произведений, несовершенством оценочного аппарата. Может быть, стоит отметить, что тексты стали более грамотными. Если посмотреть в анкетные листы участников, можно обнаружить и публикации в серьезных журналах, и отдельные издания, и литературные премии весьма солидного достоинства, что иной раз просто удивляет. Но это, следует заметить, для качества литературы важность второго ряда. Странно,

что многие участники прислали работы, которые для них являются давно прошедшим этапом.

Два замечания напоследок от главного редактора «Сибирских огней» Михаила Щукина. Деревня меняется. Мы видим только ее погибель, исчезновение, забывая при этом, что хлеб продолжают сеять, коров доить, скотину выращивать. Деревня меняет свой облик, вот это почему-то мало кто замечает. То же и о новом герое. Его покуда нет в литературе, но он уже есть в жизни, он растет, зреет, меняется вместе со скоротечной жизнью. Здесь художник еще не поспевает за жизнью.